

Н.Е. БОБРОВА
(Саранск)

**ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСА
ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ПРОИЗВЕДЕНИЯ:
ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ
ПАРАДИГМА АВТОРА**

Рассматриваются особенности языковой личности автора в художественном дискурсе. Предпринимается попытка выделить лингвистическую парадигму автора в дискурсе американского писателя Джона Апдайка. Методами лингвостатистики проведен анализ лексической структуры текста, позволяющий выявить некоторые особенности языковой компетенции автора.

Ключевые слова: *дискурс, художественный дискурс, языковая личность, лингвистическая парадигма, лингвостатистический метод, лексическая структура текста, идиостиль.*

Несмотря на то, что изучение дискурса и дискурсивный анализ считаются относительно молодыми дисциплинами, в особенности в лингвистике, они все более притягивают интерес ученых к различным аспектам дискурса. В традиционном понятии дискурс – это «текст, который является результатом целенаправленного социального действия и текст как совокупность языковых, речевых, социокультурных, прагматических, когнитивных и психических факторов» [1, с. 136–137].

Что касается дискурса художественного текста, он существенным образом отличается от иных типов дискурса, предполагая особый вид взаимоотношений и взаимодействия автора и реципиента, использование культурных, эстетических и индивидуальных познаний о мире и отражение особого отношения к окружающей действительности. Вследствие жанрового, тематического и идеологического многообразия художественный текст обладает дискурсивным многообразием. Благодаря этим характерным особенностям изучение дискурса художественного произведения представляет особый научный интерес [7].

Таким образом, в настоящее время в лингвистической науке объект исследования не ограничивается собственно лингвистическим материалом, и в центре внимания все чаще оказываются вопросы взаимодействия лингвистических знаний и знаний о реальной дей-

ствительности, «фоновых» знаний, отражения картины мира в языке – всего комплекса проблем, связанных с человеческим фактором в языке [4; 9; 10]. Все более возрастает интерес лингвистов к изучению языковой личности. Однако проблемы языковой личности автора, отражения его лингвистической и социокультурной парадигм в художественном тексте относятся к числу наименее изученных.

В настоящее время в лингвистической науке все более просматривается тенденция к изучению структуры художественного текста и индивидуального авторского стиля, что предоставляет достаточно обширный материал, который позволяет более основательно осознать и оценить художественное творчество того или иного автора. Кроме того, художественный текст является уникальным источником при изучении истории языка и индивидуального стиля писателя, его идиолекта [3].

Известно, что системное рассмотрение лингвистической парадигмы автора происходит по языковым уровням (лексика, синтаксис, грамматика, стилистика) [2]. В рамках данной статьи предпринимается попытка анализа лексической системы произведений известного американского писателя Джона Апдайка (1932–2009), состава лексики и особенностей ее семантики.

В качестве объекта исследования послужили оригинальные тексты трех художественных произведений этого автора (два рассказа и роман): *The Doctor's Wife* (DW) («Докторша») (1962), *Still Life* (SL) («Натюрморт») (1969) и *The Witches of Eastwick* (WE) («Иствикские ведьмы») (1984) [11–13]. Для проведения лингвостатистического исследования языка художественных произведений были выбраны 20 страниц дискурса (по 7 идущих подряд страниц из *The Doctor's Wife* и *Still Life* и 6 страниц из *The Witches of Eastwick*). Мы придерживаемся точки зрения Ю.Н. Караулова, согласно которой в качестве дискурса принимается «не только связный текст, но и речевые произведения отрывочного характера (предложения, части текста), собранные за достаточно длительный промежуток времени» [8, с. 6]. Выбранные нами произведения созданы в разные периоды, что отвечает требованиям о положении дискурса.

Статистические методы все чаще применяются в лингвистических исследованиях и в иных отраслях знания, где присутствуют языковые и речевые действия на естественном языке. За основу анализа нами берется стати-

стический метод Е.И. Горошко и Б.Н. Головина, который позволит выявить специфику языка Дж. Апдайка [5; 6]. Анализ проводится по следующим параметрам: количество слов и предложений в дискурсе; средняя длина предложения (отношение количества слов к количеству предложений): 11; коэффициент лексического разнообразия словаря (соотношение количества различных, т. е. встретившихся один раз, слов и общего количества слов в дискурсе): 0,3; распределение слов в дискурсе по частям речи. Кроме того подсчитываются конкретные соотношения числа использования одних частей речи к иным [6].

По статистическим данным, на 20 страниц дискурса Дж. Апдайка приходится в среднем 7 187 слов, из них:

- имен существительных – 1 360, из них 200 собственных (*Ralph, Eve, Leonard, Robin*) (*Ральф, Ив, Леонард, Робин*), 1 160 нарицательных (*child, word, morning*) (*ребенок, слово, утро*), 1 080 конкретных (*body, eye, table, bag, car*) (*тело, глаз, стол, сумка, машина*), 280 абстрактных (*movement, idea, ingratitude*) (*движение, идея, неблагодарность*), 466 одушевленных (*Larry, children, mother*) (*Лэрри, дети, мама*), 897 неодушевленных (*ankle, chest, school*) (*лодыжка, грудь, школа*);

- имен прилагательных – 512, распределение по степеням сравнения: положительная – 340 (*young, indignant, accurate*) (*молодой, возмущенный, точный*); сравнительная – 106 (*more interesting, older, better*) (*более интересный, старше, лучше*); превосходная: 66 (*the most beautiful, the most famous, the narrowest*) (*самый красивый, самый известный, самый узкий*);

- наречий – 212, распределение по степеням сравнения: положительная – 126 (*delicately, long, truly, seldom*) (*деликатно, долго, верно, редко*); сравнительная – 52 (*better, later, more warmly*) (*лучше, позже, более тепло*); превосходная – 34 (*least, most slowly, farthest*) (*наименьший, самый медленный, самый дальний*);

- числительных – 72, из них 20 порядковых (*second, seventh, nineteenth*) (*второй, седьмой, девятнадцатый*), 52 количественных (*one, twelve, thirty-two*) (*один, двенадцать, тридцать два*);

- местоимений – 1 100, из них 554 личных (*I, he, they, we*) (*я, он, они, мы*), 294 притяжательных (*my, his, their, our*) (*мой, его, их, наш*), 60 указательных (*this, these, that*) (*этот, эти, тот*), 46 вопросительных (*who, what, whose*) (*кто, что, чей*), 40 неопределенных (*somebody, anything, anybody*) (*кто-то, что-то, кто-нибудь*), 34 отрицательных (*no / nobody, no one, nothing*) (*никто, никто, ниче-*

го), 20 возвратных (*myself, himself, yourselves*) (*я сам, он сам, они сами*), 46 относительных (*who, which, that*) (*кто, что / который, что / который*);

- глаголов – 974, распределение по наклонению: изъявительное – 894 (*Their little lamps hissed*) (*Их маленькие лампочки зашипели*), повелительное – 20 (*Mommy, look!*) (*Мама, смотри!*), сослагательное – 60 (*I would have jumped up and left*) (*Я бы вскочил и ушел*); по залогу: активный – 914 (*It humiliated him*) (*Это унизило его*), страдательный – 60 (*He was embarrassed*) (*Он был смущен*); по форме: простая (indefinite) – 806 (*A woman wailed*) (*Женщина завопила*), длительная (continuous) – 74 (*He was supplying an absurd assault...*) (*Он совершал абсурдное нападение...*), совершенная (perfect) – 100 (*Her voice had becomes thrill*) (*Ее голос стал пронзительным*); по времени: прошедшее – 468 (*said, eliminated, raised, appeared*) (*сказал, устранил, поднял, появился*), настоящее – 480 (*she practises, they follow, I prefer, he means*) (*она практикует, они следуют, я предпочитаю, он имеет в виду*), будущее – 26 (*will bring, will come, will start*) (*принесет, придет, начнется*); модальные глаголы – 34 (*I must say, could see, he had to go*) (*я должен сказать, мог видеть, он должен был идти*);

- причастий – 106, из них 80 причастий I (*she said, lowering her voice; while painting he looked at her*) (*сказала она, понизив голос; рисуя, он посмотрел на нее*), 26 причастий II (*a wave, pushed by one behind it; he, accustomed by the dragged-out days of army life to patience...*) (*волна, подталкиваемая другой волной, идущей за ней; он, привыкший к затянувшимся дням армейской жизни, к терпению...*);

- герундия (the gerund) – 40 (*She kept on talking; Your task is painting this cabbage*) (*Она продолжала говорить; Твоя задача – рисовать эту капусту*);

- предлогов – 506 (*under, by, with, on, at, for, to, in*) (*под, к, с, на, в, для, в*);

- частиц – 166 (*just, very, not, no*) (*лишь, очень, нет, нет*);

- артиклей – 646, из них 414 определенных (*the doctor's wife, the attention, the other students*) (*жена доктора, внимание, другие ученики*), 232 неопределенных (*a young man, a companion, a skylight*) (*молодой человек, спутник, просвет*).

Соотнесение количества имен прилагательных и количества имен существительных – 256 / 680 = 0,4, имен прилагательных и глаголов – 256 / 487 = 0,5; глаголов и имен существительных – 487 / 680 = 0,7; наречий и

имен прилагательных – $106 / 256 = 0,4$. Показанные цифры говорят не только о том, что одни части речи у Дж. Апдайка употребительнее других, но и о том, что частота их употребления проявляется регулярно: в различных выборках разных произведений, что закономерно характеризует стиль Апдайка.

В лексическом тезаурусе Апдайка можно разграничить две группы слов: первая формирует предметно-изобразительный план дискурса, организацию пространства и времени (имена существительные); вторая затрагивает эмоционально-изобразительную сферу, отражая настроение героев, проявление их чувств, эмоций и переживаний (прилагательные, наречия, глаголы и глагольные формы).

Итак, значительную часть лексического состава исследуемого дискурса Дж. Апдайка составляют слова, имеющие конкретное предметное значение, называя реалии быта. Они образуют основную предметно-событийную канву. Кроме того, эти лексические единицы оказываются семантически неоднозначными, тесно связанными с основным мотивом произведения, выражением образного содержания. Следует заметить, что ни одна из реалий не сопровождается подробной внешней описательной характеристикой. Дж. Апдайк опирается на те конкретные представления, которые связаны с каждым из этих слов у читателя. Называние, упоминание предметных деталей делает изображение ясным, конкретным.

Например, в рассказе *The Doctor's Wife* слова *beach, shark, tan body, blacks, sun, vicar* (пляж, акула, загар, черные, солнце, vicarий), в рассказе *Still Life* лексемы *museum, school, easel, Venus, cabbage* (музей, школа, мольберт, Венера, капуста), в романе *The Witches of Eastwick* слова *body, woman, lover, witch, husband* (тело, женщина, любовник, ведьма, муж) формируют предметно-изобразительный план дискурса. Второй класс слов образуют лексические единицы, формирующие прямо или косвенно эмоционально-изобразительный план дискурса. Это слова, прямо называющие чувства (*love, hate, happy, optimism, boring, indifferent* (любовь, ненависть, счастливый, оптимизм, скучный, безразличный)) и косвенно указывающие на переживаемые чувства (*sighed, embraced, kissed, cried* (вздыхнул, обнял, поцеловал, закричал)) (WE), через внешние проявления передающие душевное состояние героев.

В исследуемом дискурсе можно выделить слова, имеющие повторный характер и встречающиеся в дискурсе данного автора чаще других: *know, body, problem, movement, young man, young woman, love, Americans, island, dol-*

lar, voice, family, picture (знать, тело, проблема, движение, молодой человек, молодая женщина, любовь, американцы, остров, доллар, голос, семья, фотография). Основную часть лексикона Дж. Апдайка составляют слова с нейтральным значением, но встречаются также разговорные лексические единицы (*highball, grandpapa, flumtox, rugger, bone-shaker, bully* (виски с содой, дедушка, неудача, регби, драндулет, задирка)) (WE), сленг (*byalongshot – “undoubtedly”* (без сомнения); *seriously my foot – “an expression of disbelief”* (скажешь тоже, выражение недоверия); *of all the crust – “how impertinent, how disrespectful”* (как дерзко, как неуважительно); *having him on – “fooling him”* (обманывая его); *I'm pretty pooped – “I'm so tired”* (я так устал)) (SL), профессионализмы (*canvas, flax, easel, plinth, drawing-board, palette* (холст, лен, мольберт, плинт, чертежная доска, палитра)) (SL).

Наличие иностранных слов указывает на высокий уровень образованности автора и его языковой компетенции. Например, в романе *The Witches of Eastwick* встречаются французские слова (*Lecon Premiere, hors d'oeuvre, coup de grace, protégée, dessinez antiques, etudes, allee* (урок первый, закуска, последний удар, протезе, рисовать античность, исследование, проход)); немецкие (*Die Koniginder Nacht; Sprechen Sie wass* (Королева ночи; Говорите вы, что)); испанские (*Traigalas al bano! Rapidamente!* (Отведите их в ванную! Быстро!)).

Частотные характеристики встречаемости определенных частей речи в дискурсе позволили измерить некоторые параметры общей закономерности организации текста, его структуры, которые Б.Н. Головин называет «признаками речи-мысли». Это коэффициенты предметности, качественности, динамизма, активности и связности текста [5, с. 143–154].

Согласно Е.И. Горошко, предметность (Pr) может определяться «соотношением числа существительных и местоимений к числу имен прилагательных и глаголов»: 0,3; качественность (Qn) – «соотношением числа прилагательных и наречий к числу имен существительных и глаголов»: 0,3; активность (Ac) выводится как «соотношение глаголов и глагольных форм к общему количеству слов в тексте»: 0,15; динамизм (Dn) допустимо измерять как «соотношение глаголов и глагольных форм к именам и местоимениям»: 0,4; коэффициент связности (Cn) определяется как «соотношение числа предлогов и союзов к числу самостоятельных предложений»: 0,04 [6, с. 84–91].

Справедливо также отметить наличие стилистически маркированных единиц в исследу-

емом дискурсе Дж. Апдайка, создающих особую творческую манеру автора:

– эпитетов (*scarlet lips* (алые губы), *glorious sight* (чудесный взгляд), *fatal house* (поковой дом)), играющих исключительную роль в создании образов персонажей, эмоционально-экспрессивного тона произведения;

– метафоризации (*silver dust* (for stars) (серебряная пыль (о звездах), *balls of fluff* (for chickens) (комочки пуха (о цыплятах), *a tiny caravan of hope* (малейшая надежда));

– параномазии, игры слов (“*West Virginia, Jack smiled. “It’s rather like your Black Country.” “More green than black,” Leonard said* [11, с. 148] («Западная Вирджиния», – улыбнулся Джек. «Это похоже на твою Черную страну»). «Больше зеленую, чем черную», – сказал Леонард));

– литоты (“*He did not seem nonplussed*” (Он не казался смущенным) [13, с. 127]; “*This fact did not displease me*” (Этот факт меня не огорчил) [11, с. 148]), передающей воспитанную сдержанность, иронию, осторожность.

Таким образом, в ходе лингвостатистического анализа были установлены показатели, присущие только дискурсу Дж. Апдайка, что позволило выявить специфику его лингвистической парадигмы. Поэтому если бы, предположим, нужно было установить авторство произведения, достаточно было бы взять из него некоторый дискурс, статистически обработать его и сравнить результаты с теми, которые получены в нашей работе.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая рос. энцикл., 1998. С. 136–137.
2. Боброва Н.Е. Лингвистическая парадигма автора в художественном дискурсе // Гуманитарные исследования: традиции и инновации: сб. науч.-метод. тр. Саранск, 2010. Вып. 4. С. 32–36.
3. Боброва Н.Е. Социопсихологическая и культурная парадигмы автора в художественном тексте (на материале произведений Дж. Апдайка) // XXXIII Огаревские чтения: материалы науч. конф. Саранск, 2005. С. 155–156.
4. Боброва Н.Е. Фоновые знания в структуре лингвострановедческой компетенции языковой личности // Вопросы обучения иностранным языкам: методика, лингвистика, психология: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. проблемам языковой коммуникации. Уфа, 2008. С. 44–48.

* «Черная», т. к. регион стал черным из-за сажи и грязи многочисленных промышленных предприятий и угольных шахт.

5. Головин Б.Н. Язык и статистика. М.: Просвещение, 1971.

6. Горошко Е.И. Особенности мужского и женского вербального поведения: психолингвистический анализ: дис. ... канд. филол. наук. М., 1996.

7. Гуо Х. Особенности дискурса художественного произведения [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2017. № 20. URL: <https://moluch.ru/archive/154/43562/> (дата обращения: 07.05.2018).

8. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М., 1989. С. 3–8.

9. Пудовочкина Н.Е. Неомифологизм в художественной культуре США XX в. (на материале произведений У. Фолкнера и Дж. Апдайка): дис. ... канд. культурологии. Саранск, 2005.

10. Пудовочкина Н.Е. Неомифологизм в художественной культуре США XX в. (на материале произведений У. Фолкнера и Дж. Апдайка): автореф. ... канд. культурологии. Саранск, 2005.

11. Updike J. Still Life // Натюрморт / сост. С.А. Кролик, Г.Р. Позняковская. Л., 1975. С. 139–155.

12. Updike J. The Doctor’s Wife. // Eleven American Stories / сост. С.В. Шевцова. М., 1978. С. 5–15.

13. Updike J. The Witches of Eastwick. N.Y.: Ballantine Books, 1984.

* * *

1. Arutjunova N.D. Diskurs // Jazykoznanie. Bol’shoj jenciklopedicheskiy slovar’ / gl. red. V. N. Jarceva. 2-e izd. M.: Bol’shaja ros. jencikl., 1998. S. 136–137.

2. Bobrova N.E. Lingvisticheskaja paradigma avtora v hudozhestvennom diskurse // Gumanitarnye issledovanija: tradicii i innovacii: sb. nauch.-metod. tr. Saransk, 2010. Vyp. 4. S. 32–36.

3. Bobrova N.E. Sociopsihologicheskaja i kul’turnaja paradigmy avtora v hudozhestvennom tekste (na materiale proizvedenij Dzh. Apdajka) // XXXIII Ogarrevskie chtenija: materialy nauch. konf. Saransk, 2005. S. 155–156.

4. Bobrova N.E. Fonovye znaniya v strukture lingvostranovedcheskoj kompetencii jazykovoju lichnosti // Voprosy obuchenija inostrannym jazykam: metodika, lingvistika, psihologija: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvjashh. problemam jazykovoju kommunikacii. Ufa, 2008. S. 44–48.

5. Golovin B.N. Jazyk i statistika. M.: Prosveshhenie, 1971.

6. Goroshko E.I. Osobennosti muzhskogo i zhen-skogo verbal’nogo povedenija: psiholingvisticheskij analiz: dis. ... kand. filol. nauk. M., 1996.

7. Guo H. Osobennosti diskursa hudozhestvennogo proizvedenija [Jelektronnyj resurs] // Molodoy uchenyj. 2017. № 20. URL: <https://moluch.ru/archive/154/43562/> (data obrashhenija: 07.05.2018).

8. Karaulov Ju.N. Russkaja jazykovaja lichnost’ i zadachi ee izuchenija // Jazyk i lichnost’. M., 1989. S. 3–8.

9. Pudovochkina N.E. Neomifologizm v hudozhestvennoj kul’ture SShA XX v. (na materiale proiz-

vedenij U. Folknera i Dzh. Apdajka): dis. ... kand. kul'turologii. Saransk, 2005.

10. Pudovochkina N.E. Neomifologizm v hudozhestvennoj kul'ture SShA XX v. (na materiale proizvedenij U. Folknera i Dzh. Apdajka): avtoref. ... kand. kul'turologii. Saransk, 2005.

Features of fiction work discourse: author's linguistic paradigm

The article deals with the features of the author's linguistic personality in the fiction discourse. An attempt is made to highlight the author's linguistic paradigm in the discourse of an American writer John Updike. Based on the methods of linguostatistics, it presents the analysis of the lexical structure of the text allowing to reveal some features of the linguistic competence of the author.

Key words: *discourse, fiction discourse, linguistic personality, linguistic paradigm, linguostatistical method, lexical structure of the text, idiosyle.*

(Статья поступила в редакцию 16.05.2018)

М.Ф. ШАЦКАЯ
(Волгоград)

**МАРКЕРЫ ТРАНСФОРМАЦИЙ
СОЦИАЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ
МОДУСА В КОМИЧЕСКОМ
КОНТЕКСТЕ (на материале
русской и украинской прозы)**

Проводятся наблюдения над трансформациями, происходящими в социальных категориях модуса в условиях комического контекста. Определяются основные маркеры таких преобразований, которые находятся в различных структурных частях этикетного дискурса, а также называются причины этих процессов и ведущие коммуникативно-релевантные признаки адресата, которые обыгрываются.

Ключевые слова: *модус, комическое, речевой этикет, социальные категории, трансформация.*

В теории семантического синтаксиса, как известно, в предложении различают две зоны смысла: объективную (диктум), отражающую действительность, и субъективную (модус), свидетельствующую об отношении мыслящего субъекта к этой действитель-

ности (наиболее четко данную мысль выразил швейцарский ученый Ш. Балли [1]). В центре внимания нашего исследования – модус, который включает в себя весь спектр субъективных смыслов как высказывания-предложения, так и высказывания-текста [7] (при этом *модус* мы будем отличать от *модальности*, обозначающей более узкий спектр грамматикализованных прагматических смыслов вопросительности, желательности, условности и т. п.). Особое внимание хочется обратить на разграничение субъективности коммуникативного аспекта и модуса, проведенное Т.В. Шмелевой [25]. По мнению лингвиста, в модусе проявляется субъективность «в интересах говорящего» (отношения и оценки автора, его «система ценностей» и т. п.), в коммуникативном аспекте проявляется субъективность «в интересах слушающего» (создавая предложение, говорящий использует его коммуникативное устройство для руководства коммуникативным поведением собеседника с целью достижения определенного успеха в коммуникации).

Идеи Ш. Балли получили развитие как в зарубежной, так и в отечественной лингвистике. Среди представителей последней следует назвать В.Г. Гака, который впервые поставил вопрос о том, чтобы определить круг категорий модуса [3], и Т.В. Шмелеву [25], предложившую дифференцировать модусные категории по следующим параметрам: соотносимость сообщаемого 1) с условиями и условностями общения (метакатегории), 2) с действительностью (кваликативные категории), 3) с информацией и самими событиями, которые надо так или иначе оценить (актуализационные категории), 4) с отношениями между автором и другими участниками общения (социальные категории) [9; 14 и др.]. Остановимся на последнем виде модусных смыслов.

Социальные категории модуса факультативны, но, несмотря на это, адресатно-ориентированные высказывания почти неизбежно включают социальный аспект, в котором учитывается степень официальности или фамильярности, уважительности или пренебрежения, деликатности или безоглядной категоричности и др. Т.В. Шмелева полагает, что такой смысл, как 'категоричность', различается на приказ и просьбу, принуждение и угрозы, предписание и советы; еще один смысл – 'авторская осторожность' – может выражаться через номинативные извинения, что свидетельствует об уважительном отношении автора к читателю и включает механизм антици-